

Т. В. Евдокимова

СОВРЕМЕННЫЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

В данной статье фальсификация отечественной истории рассматривается как порождение комплекса социокультурных условий, возникающих в ходе трансформации современного российского общества. Показаны место и роль историка в противодействии данному процессу.

Ключевые слова: фальсификация, искажение исторического познания, история России, истина, современность, особенности.

T. V. Evdokimova

MODERN FALSIFICATIONS OF HISTORY: THE SOCIOCULTURAL CONTEXT

The article focuses on the falsification of the Russian history that is considered as the result of a number of sociocultural conditions arising during the transformation of the modern Russian society. The author shows the role of a historian in the counteraction against this process.

Keywords: falsification, distortion of historical consciousness, history of Russia, truth, modern times, peculiarities.

Целью исторического познания является накопление возможно более точных и подробных знаний о прошлом, достоверность и объективность которых не вызывала бы сомнений. Вместе с тем процесс познания, несомненно, субъективен, как субъективно человеческое восприятие исторических источников. Фальсификация истории, будучи ее сознательным искажением, также имеет субъективные основания. Если субъективность восприятия, лежащая в основе создания и интерпретации исторических источников, не может быть преодолена, то субъективность фальсификации, обусловленная влиянием политики и пропаганды, является объектом критики научного сообщества, стремящегося если не искоренить, то минимизировать ее проявления.

Фальсификация истории существовала на всех этапах развития исторического знания, однако ее формы, цели и приемы были обусловлены особенностями конкретных исторических эпох [1]. Современная эпоха не представляет собой исключения: проблемы

индивидуального и социального бытия человека, политические и идеологические противоречия, экономические и социальные вызовы заставляют людей не просто обращаться к прошлому, но и находить в нем те ответы, которые обосновывали и оправдывали их сегодняшние, подчас сиюминутные и конъюнктурные интересы.

Современное историческое знание как проявление историографической культуры неоднородно: оно включает три субкультуры, которые имеют различные шансы приблизиться к исторической истине. Во-первых, это субкультура профессиональных историков, опирающихся на документы и научную методологию исследования; во-вторых, это субкультура политических публицистов и идеологов, ориентированных на запрос той или иной общественно-политической группы; наконец,

в-третьих, это субкультура, отражающая восприятие истории массовым сознанием [2, с. 26].

На современном этапе именно представители государственно-политической субкультуры обратили внимание общества на фальсификацию российской истории. Д. А. Медведев, будучи

Президентом России, отметил важность преодоления всякого рода ненаучных и тенденциозных трактовок отечественной истории, «всякого рода негативистских концепций», которые «прививают россиянам ощущение того, что мы какие-то неполноценные...» [3, с. 3].

Почему государство поставило такую задачу? Потому что за последнее время матрица исторического сознания оказалась под угрозой стирания, так как переоценка событий прошлого и исторических личностей приняла системный характер и поставила под вопрос не просто отдельные фрагменты, но и само ядро исторической памяти общества, в отношении которого — при всех современных разночтениях и разногласиях — сложилась «консенсусная память» (А. Чубарьян). Память о Великой Отечественной войне является одним из таких событий, формирующих ядро общественного консенсуса в оценке прошлого и выступающих в качестве одного из оснований современной российской идентичности, интегрирующей общество [4].

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. № 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» была создана комиссия, работавшая до 14 февраля 2012 г. Кратковременность ее существования во многом объясняется тем, что представители первой субкультуры восприняли создание данной структуры как попытку представителей второй субкультуры приблизиться к исторической истине и выразили сомнения в степени объективности исторических исследований, проводимых при патронаже партийно-политически ангажированных членов комиссии. Тогда властью был предпринят следующий шаг: учитывая, что 2012 г. связан со многими важными датами в российской истории [5], Президент России Дмитрий Медведев 9 января 2012 г. подписал указ о проведении в России Года российской истории. Согласно тексту указа Год истории проводился «в целях привлечения внимания общества к российской

истории и роли России в мировом историческом процессе» [6].

Возникает вопрос: какие факторы обусловили рост искажения российской истории на современном этапе? На смену провозглашенному в 1990-х гг. лозунгу демократизации России пришла идея модернизации, ориентированная на экономические и политические преобразования. Однако, как показал опыт ряда стран, не эти две стороны модернизации, а проблема духовной свободы, личности, обладающей совестью и ответственностью перед собой, оказывается гораздо важнее, чем формальное соблюдение демократических принципов. Имеем ли мы модернизацию с человеческим лицом? Что представляет собой человек, который должен осуществлять данную модернизацию? В тех условиях, которые созданы ходом современной российской модернизации, формируется новый тип человека — «потребитель», «пользователь», созданный динамично развивающимся сектором услуг. Ориентированное на сегодняшнюю ситуацию потребление товаров и услуг качественно изменяет смысловые ценности, в том числе представление о социально-исторической перспективе человека и общества. Такой подход ставит под вопрос существование и роль духовно ориентированного социального идеала, который в отечественной исторической традиции всегда имел огромное значение: будь то православная Россия или официально атеистически идеологизированный, но во многом религиозно верующий в светлое коммунистическое будущее Советский Союз.

На восприятии обществом современных процессов и установок сказываются и особенности ментальности русского человека. Понимая свободу как волю, что исторически ближе русскому человеку (вспомним названия общественных организаций «Земля и воля», «Народная воля»; главные лозунги С. Разина «Я пришел вам дать волю!»), он стал трактовать провозглашенную свободу исключительно как право выражать свои мысли, забыв об ответственности за свои поступки и действия.

Другой не менее важной особенностью современного этапа развития является переходный характер эпохи, когда одновременно сосуществуют различные политические течения и воззрения, которые оказывают большое влияние на формирование исторического сознания. В современном историческом сознании есть традиции, которые находятся в постоянном противостоянии и имеют собственные субкультуры, для которых научная аргументация не просто вторична: она почти отсутствует. Это державно-советские, державно-имперские, «шестидесятнические», западнические установки массового сознания и поведения. Их политическими представителями являются определенные силы: коммунисты, консерваторы-традиционалисты, социал-демократы, либералы. Практически любая дискуссионная проблема, попадая на поле «информационных сражений» (А. Шубин), подвергается трактовке представителями данных четырех политико-идеологических ориентаций. Наиболее рельефно это прослеживается в отношении фигуры И. Сталина. Их представители сформировали четыре разновидности мифологического образа Сталина:

— Сталин возродил «нормальный порядок», Российскую империю, разгромил внутренних и внешних врагов, повел страну по пути прогресса (державно-имперская);

— Сталин — верный ученик Ленина, создатель социализма, разгромивший антисоветские заговоры и фашизм (державно-советская);

— Сталин — создатель тоталитарной империи, где все люди, по сути, стали «зэками», убийца около 100 млн человек (западническая);

— Сталин — враг дела Ленина, предатель, погубивший революцию и революционеров («шестидесятническая»).

Борьба указанных идейно-политических позиций происходит не только в оценке личности Сталина. Среди остро дискутируемых — обсуждение мотивов германо-советского сближения в 1939—1941 гг., идея превентивного удара, вопрос о присоединении Прибалтики, цена победы и др. В ходе дискуссии по данным вопросам каждая из сторон утверждает, что

точка зрения другой стороны является фальсификацией. Но мнения и факты — разные вещи.

Следующей объективной причиной возникновения питательной почвы для фальсификаций является формирование современных информационных технологий. Компьютер и Интернет оказывают двойственное влияние на современное общество. С одной стороны, благодаря современным научным технологиям значительно облегчен ввод в информационное пространство огромного объема исторических источников. Но с другой стороны, для российских историков возник ряд проблем, среди которых на первое место вышел рост недоверия общества к историческим знаниям. Историк перестал обладать монополией на интерпретацию исторического прошлого. Утрачивается представление об истории как науке. Сформировалась новая историческая культура, когда любой заходящий в поисковую систему Интернета человек получает многообразную информацию о прошлом, знакомится с разнообразными трактовками того или иного исторического события, а затем занимается собственной интерпретацией представленных позиций и мнений с претензией на историческую истину. Виртуальная реальность стирает грань между научной достоверностью, ее популяризацией и вымышленными версиями возможного развития событий, которые возникают в русле ретроальтернативистики и выдаются их авторами за реальные факты прошлого.

Ученый проигрывает публицисту, так как последний — свой в системе СМИ и развлекательной литературы, а историк — чужой, носитель иных подходов и методов. Публицисту легче продать свой труд, чем историку. Не случайно, что в настоящее время Э. Радзинский оказался самым востребованным «историком». И если М. Задорнов, обращаясь к истокам русской народности, все-таки пытается апеллировать к анализу и истолкованию языка, то Радзинский смело осуществляет на практике трактовку истории как искусства произвольного создания смыслов и образов, поскольку автор-историк, по

его мнению, имеет право на художественный вымысел.

История превратилась в «клубничку», которую можно выгодно продать, и лучше в виде сенсации. Тем, кто читает «Аргументы недели», хорошо известен С. Нехамкин. А вот начинание Виталия Третьякова, который, будучи главным редактором «Независимой газеты», сделал ряд исторических спецприложений, где предоставлял слово ведущим ученым, после его ухода из газеты было закрыто.

Изменения в стране и в мире не могли не повлиять на статус историка-исследователя: он оказался в ситуации, когда кризис традиционной методологии анализа совпал с кризисом исторического сознания общества, вынужденного менять свои ценностные и познавательные ориентиры. Для многих ученых преодоление этих трудностей было найдено в русле ментальных ориентаций: «в российской истории обыденно стремление русского человека убежать от своего настоящего и прошлого и обрести свое счастье в будущем». Русский историк «предпочитает жить в предвкушении будущего, стремясь изменить свое прошлое» (А. Громыко) [2, с. 19]. При этом «клиотерапия» не ограничивается переписыванием истории: в ряде случаев она сводится

к конъюнктурной модернизации прошлого. Не это ли делают некоторые историки, например, заявляя, что отмена крепостного права подрывала основы существования дворянского класса, способствовала его разорению и ускорила формирование российского пролетариата, который привел Россию к революции 1917 г.? Или: Петр I являлся первым создателем тоталитарной системы, а реформы Избранной рады Ивана IV были прообразом и архетипом либерально-демократической модернизации современной России [7]. Сегодня в историческом сознании общества прошлое перестало представлять собой единый исторический процесс. Из него может спокойно выпасть «неактуальный» исторический период (в советское время — имперский; в настоящее время — советский).

Как современному российскому историку не потеряться в информационном пространстве и остаться преданным своему ремеслу — поиску исторической истины? Прежде всего историк в поисках истины должен придерживаться как можно более широкого круга источников, чтобы описание прошлого было верифицируемым, доказательным, системно аргументированным. Добросовестный анализ источниковой базы особенно важен во время ведения научной полемики, когда оспаривается та или иная точка зрения.

В настоящее время оживленно дискутируются проблемы Второй мировой войны, в том числе фальсификации Второй мировой войны германскими исследователями. К сожалению, можно встретить публикации, где авторы не всегда убедительны в своих оценках. С одной стороны, справедливо отмечаются официально признанные интерпретации и оценки итогов войны в современной германской историографии. Основополагающими среди них являются: трактовка разгрома нацизма как освобождения немцев (наряду с другими народами Европы) от гитлеровской тирании; признание законности Нюрнбергского и Токийского трибуналов, их приговоров, а также решений держав-победительниц в отношении Германии, принятых в военное и послевоенное время; безальтернативное осуждение нацистского прошлого, прежде всего холокоста; приоритетное и непреходящее значение покаяния и исторической ответственности немцев и германского государства за преступления нацистов. С другой стороны, некоторые российские авторы, оппонируя зарубежным коллегам по достаточно известным тезисам, не указывают даже имени германского ученого, а ссылаются

в основном на массовые периодические издания, например журнал «Шпигель» [8]. Не думаю, что это дает повод для тотальной критики всех немецких историков, которые существенно различаются в своих методологических и ценностно-идеологических предпочтениях. Знакомство со сборниками статей, которые готовит Совместная германо-российская комиссия [9], убеждает в этом.

Примером аргументированных работ по критике фальсификаций российской истории можно назвать книги доктора исторических наук, профессора Н. Л. Нарочницкой [10].

При написании микроистории нельзя не учитывать исторический контекст, в котором данное событие происходит, то есть микроистория неотделима от макроистории. Нельзя вырвать один факт и на его основании делать какое-то заключение. Например, говорить о жестокой политике П. А. Столыпина на основании введения военно-полевых судов без учета общей обстановки в стране и многократного покушения на его жизнь и жизнь родных. Или, несомненно, трагической являлась судьба немцев Поволжья, татар, калмыков, чеченцев и других народов, выселенных в годы войны на другие территории, но при этом необходимо учитывать общую ситуацию в стране в целом [11].

Историк не может жить изолированно от окружающего мира. Речь идет о том, насколько возможно и нужно сочетать государственные приоритеты и интересы личности. Государственная линия настаивает на необходимости создания патриотической, сплачивающей народ истории, формирующей национальную идентичность и самосознание индивида. Противоположное ей направление настаивает на противоречивости и неоднозначности событий и фактов и провозглашает необходимость плюралистических, деидеологизированных концепций и построений, признает исключительно свободный выбор суверенной личности вне всякого внешнего контроля и влияния.

В этом «поиске гармонии государственного и частного» [12] историк должен оставаться честным. Морально-нравственный императив историка требует писать правдиво, раскрывая, насколько возможно, неявные мотивы. Так, например, российский историк С. Случ, изучающий многие годы советско-германские отношения в межвоенный период, является последовательным антисталинистом. Но, тем не менее, он убедительно разоблачает фальшивку, приписывающую Сталину

захватнические планы на основании текста речи, якобы произнесенной им на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП (б) в августе 1939 г. [13]. Этими разоблачениями С. Случ не защищает Сталина, а восстанавливает историческую истину.

Из трех выделенных нами ранее субкультур исторического знания как наибольшей вероятностью приближения к исторической истине обладают представители научной субкультуры, профессиональные историки. Именно на них лежит основная ответственность за поиск достоверного исторического знания. В настоящее время это обусловлено не только стремлением (через исторические примеры помочь людям изменить свою жизнь к лучшему), но и необходимостью сохранения своей российской идентичности.

Примечания

1. Фальсификаторы истории (Историческая справка). М.: ОГИЗ, Главполитиздат, 1948.
2. Международная научная конференция на истфаке МГУ «Может ли история быть объективной?» // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 3—40.
3. Цит. по: Замостьянов А. Страна с непредсказуемым прошлым // Лит. газ. 2011. № 37.
4. В своей заключительной речи на заседании оргкомитета «Победа», посвященном предстоящему празднованию 65-летия окончания Второй мировой войны, президент Медведев с недоумением рассказал о попавших к нему в руки материалах по подготовке ЕГЭ для школьников. Он зачитал один пример из теста: «На вопрос, что является следствием коренного перелома в годы войны, предлагаются такие варианты ответа, как «выход Японии из войны» или «распад антигитлеровской коалиции», или «расстрел всех немецких военнопленных, находившихся в советском плену» // См.: В Санкт-Петербург вернулся Ленинград // Известия. 2009. № 13; Тесты раскритикованы, а Фурсенко рулит // Советская Россия. 2009. № 8.
5. 2012 — Год российской истории [Электронный ресурс]. URL: <http://delovoysaratov.ru/calendar/2012-russian-history> (дата обращения: 30.11.2012).
6. Указ о проведении Года российской истории [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/14238> (дата обращения: 30.11.2012).
7. Янов А. Российские либералы против Русской истории // Дружба народов. 1997. № 1. С. 112—130.
8. Кравченко И. И. Современный германский взгляд на историю Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. 2012. № 5. С. 12—14.
9. Сообщения Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений / под ред. А. Чубарьяна и Х. Меллера. Мюнхен, 2010.
10. Нарочницкая Н. А. Великие войны XX столетия. Ревизия и правда истории. М.: Вече, 2010.
11. Д. В. Гаврилов приводит интересный факт, что за профашистскую пропаганду и по подозрению в сочувствии фашизму в Великобритании было депортировано и репрессировано (посажено в тюрьмы, заключено в концлагеря) не менее 104 тыс. человек. По официальным американским данным, в концлагеря было заключено около 120 тыс. японцев. По сведениям японских авторов, их было больше — около 300 тыс. В 1988 г. Конгресс США принял закон, в котором выражалось сожаление по поводу допущенной «вопиющей несправедливости» и гарантировалась выплата им необлагаемой налогами суммы в 20 тыс. долларов // Гаврилов Д. В. Двойные стандарты в оценке внутренней политики стран антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. 2012. № 1. С. 3—9.
12. Карпов С. П. Историческая наука и историческое образование в современном информационном пространстве: тупики и перспективы [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/Science/History/karpov2009_2.htm (дата обращения: 30.11.2012).
13. Случ С. З. Речь Сталина, которой не было // Отечественная история. 2004. № 1. С. 113—139.